

Генезис экономической рациональности в теории М. Вебера

© 2012 А.Н. Сорочайкин

кандидат экономических наук, доктор философских наук

Самарский государственный университет

E-mail: san_27@inbox.ru

Изложено понятие экономического человека (*homo economicus*) через процесс культурно-исторического и идейного генезиса, представленного в соответствии с научной теорией Макса Вебера.

Ключевые слова: *homo economicus*, Макс Вебер, генезис, экономический человек, дух капитализма, научная теория, капиталистическая экономика, рациональность.

В описаниях Вебером “капиталистического духа”¹ можно вычленил два относительно самостоятельных аспекта: анализ собственно капиталистического “духа” и анализ особой капиталистической рациональности. Первое образование представляет собой некую культурную среду (религиозные ценности, моральные предписания и др.), определенную идейную почву, ставшую благодатной для вызревания капиталистического мировоззрения и мироощущения. Иными словами, к данному аспекту следует отнести тот комплекс этических воззрений на экономическую деятельность, которые вписывали ее в контекст жизни в целом. Это сама опора жизненного поведения предпринимателя “нового стиля”. Второй же, более узкий, феномен - это уже те конкретные формы, в которых кристаллизуется такое мироощущение, набор допущений и предпосылок о том, что есть рациональность, что значит быть рациональным, т.е. некая имплицитованная в данном мировоззрении модель (концепция) рациональности. Все указанные допущения и представления образуют вполне конкретный (и исторически, и понятийно) тип рациональности, который можно рассматривать как самостоятельное явление, доступное определению, анализу и сравнению с другими, альтернативными ему типами рациональности.

Что касается Вебера, то свое исследование он связывает прежде всего с первым указанным аспектом, т.е. с более широкой проблематикой “духа” капитализма: “Нам надлежит здесь выяснить, какой дух породил ту конкретную форму “рационального” мышления и “рациональной” жизни, из которой выросли идея “призвания” и та <...> способность полностью отдаваться деятельности в рамках своей профессии, которая всегда была одной из характернейших черт нашей капиталистической культуры и является таковой и поныне”². Говоря в целом, Вебера интересует история капитализма, понятого как массовое явление, а объединяющей силой, придаю-

щей этому явлению массовый характер, является его “дух”.

Отметим, что капиталистический “дух”, будучи источником возникновения экономической рациональности, сам является глубоко иррациональным, или, лучше сказать, внерациональным. Этические и религиозные ориентиры хозяйственной жизни, отношение к своему делу как к “призванию”, выполняющему обязательства перед Богом, - все эти представления выступают как нечто внешнее по отношению к рационально организованной экономической практике, если рассматривать ее автономно. Заслуга же Вебера заключается в том, что он проследивает конкретный исторический генезис “рациональности” из этого более глубокого принципа, описывая связи и взаимовлияния этих двух источников хозяйственной практики³. При этом ученый полемизирует с тезисом Зомбарта, согласно которому именно “экономическому рационализму” следует отдать приоритет в вопросе о главном принципе капиталистического хозяйства⁴. Вернее было бы сказать, что это утверждение Вебер принимает с рядом существенных оговорок и уточнений. Не отрицая главной роли экономической рациональности в научном обосновании технологии производства (и связанном с этим повышении производительности труда), а также в выработке оптимальных схем распределения материальных благ, Вебер, тем не менее, отказывается признать первичный характер рационализма как феномена, из которого можно было бы вывести все прочие явления капиталистической жизни. Признания успехов рационализации в области прикладной науки, техники и экономики для этого оказывается все же недостаточным. “Создается впечатление, что развитие “капиталистического духа” может быть легче всего понято в рамках общего развития рационализма и должно быть выведено из его принципиального подхода к последним вопросам бытия. В этом случае историческое значение про-

тестантизма сводилось бы к тому, что он сыграл известную роль в качестве “предтечи” чисто рационалистического мировоззрения. Однако при первой же серьезной попытке такого рода становится очевидным, что подобная упрощенная постановка проблемы невозможна...”⁵

Что же касается отношений “духа” с собственно материальной структурой капиталистического производства, то эти понятия могут не совпадать и исторически, “дух” может запаздывать по отношению к уже установившейся экономической структуре и обслуживающей ее рациональной модели. Анализируя предприятие скупщика изделий домашней промышленности середины XIX в., ученый замечает: “Если исходить из коммерческих деловых свойств предпринимателей, из наличия капиталовложений и оборота капитала, из объективной стороны экономического процесса или характера бухгалтерской отчетности, то следует признать, что перед нами во всех отношениях “капиталистическая” форма организации. И тем не менее это “традиционалистское” хозяйство, если принять во внимание дух, которым оно проникнуто”⁶. В данном случае материальное устройство хозяйства по всем основным признакам (в том числе и по наличию рационального управления) соответствует капиталистическому типу, однако сам субъект экономической деятельности по своим целям, мотивациям и по самой своей ментальности принадлежит еще докапиталистическому миру с его традиционным, размеренным жизненным укладом. Примечательно, что даже присутствие собственно коммерческих и деловых качеств у такого субъекта еще не является аргументом в пользу наличия у него капиталистического духа.

Одновременно у Вебера можно найти ряд примеров противоположного свойства, которые показывают, что «...“капиталистический дух” (в принятом нами понимании), безусловно, существовал до какого бы то ни было “капиталистического развития”...»⁷. То, что в обоих этих случаях называется “капиталистическим духом”, есть некое более фундаментальное образование, нежели сугубо экономические взаимосвязи и отношения. Последние впервые только и становятся возможны благодаря “капиталистическому духу”, который и в историческом плане является более ранним феноменом.

Сами отношения между капиталистической формой экономической активности и “духом”, в соответствии с которым она реализуется, Вебер предлагает мыслить в терминах адекватности, отличая последнюю от однозначной детерминации, принятой на вооружение естественными науками.

Вообще же, категория адекватности - одна из основных методологических категорий Вебера. Установление адекватных причинных связей тех или иных крупных исторических явлений следует отличать от поиска однозначно каузальных отношений, при которых один из двух факторов полностью определял и обуславливал бы другой, как причина детерминирует следствие. Скорее, здесь можно было бы говорить о более тонких и гибких отношениях соответствия, при которых оба фактора, влияя друг на друга, развиваются параллельно, но при этом относительно автономно⁸. Из этого следует, что в действительной хозяйственной жизни “дух” и “рациональность” (как принцип организации материальных экономических процессов) настолько тесно связаны и переплетены друг с другом, что их дифференциацию здесь стоит воспринимать скорее как чисто методический ход, способный пролить свет на отдельные элементы интересующей нас проблемы.

Рассмотрение генезиса *Homo economicus*, как он представлен в работах Вебера, начнем с анализа структуры особой экономической рациональности и ее конститутивных элементов. Именно такую рациональность, согласно большинству современных исследователей, следует считать характеристикой, выстраивающей все поведение *Homo economicus*, и именно немецкий ученый первым указал на сущностную связь феномена рациональности и определенного типа капитализма (промышленный капитализм)⁹.

Акцентируем главный тезис: исследователя в данном случае интересует не капиталистическая деятельность как таковая, а возникновение буржуазного промышленного капитализма, иными словами, один конкретный тип этой деятельности, исторически относительно поздний, основанный на уникальных признаках, не имеющих аналогов в предшествующей истории. Тот же феномен, рассмотренный в социокультурном срезе, разворачивает перед нами картину возникновения западной буржуазии. Свообразие этому социальному явлению придает тот факт, что понятие “бюргер” (и его позднейший вариант - “буржуазия”) не существовали нигде, кроме Европы. Следовательно, только здесь имело место сочетание особых факторов и условий, которые сделали возможным появление данного социального слоя. Сопоставляя экономический и социальный аспекты рассматриваемого предмета (капиталистический способ производства и феномен буржуазии, соответственно), Вебер замечает, что при всех сущностных связях этих аспектов их все же нельзя рассматривать как полностью тождественные. Здесь уже, пока еще в скры-

том виде, содержится критика упрощенного варианта марксистской теории, согласно которому так называемая духовно-идейная “надстройка” является всего лишь пассивным и вторичным отражением процессов, происходящих в материальном “базисе”.

Аналитические установки, с которыми немецкий ученый подходит к интересующему нас вопросу, весьма показательны. Во всех своих работах, посвященных анализу капитализма и капиталистической ментальности, Вебер последовательно проводит мысль о том, что само по себе стремление к получению денег еще не является отличительным признаком капиталистического духа¹⁰. Следует строго различать только внешне схожие формы “наживы”. Эти формы предполагают два совершенно различных образа экономического поведения, за которыми стоят весьма отличные друг от друга мотивы и ценности.

Заострим внимание: даже “стремление к наибольшей денежной выгоде”, т.е. как раз поведение, ориентированное на извлечение максимальной полезности, для Вебера еще не является достаточным основанием, чтобы констатировать в данном случае присутствие специфически капиталистической рациональности. Согласно Веберу, новое капиталистическое мироощущение в том виде, в каком оно имплицитно содержится в этических правилах поведения протестантизма, следует отличать от простой склонности к накоплению материальных благ. Это не просто неуправляемая страсть к наживе - речь идет об этически регулируемых предписаниях. Рассмотренное же само по себе, без связи с рядом сопутствующих мотиваций и элементов, такое стремление не является сущностным свойством капитализма - оно гораздо шире и свойственно вообще любым человеческим материальным интересам.

Ученый выделяет четыре таких признака¹¹, среди которых определяющим является (1) рациональная организация свободного труда в форме предприятия. Специфически новыми - по сравнению со всеми предшествующими историческими формами экономической деятельности - здесь выступают три элемента: способ организации труда (рациональность), характер труда (формальная свобода) и форма его организации (предприятие).

Еще один признак, отличающий первичную экономическую энергию (так называемую “страсть к наживе”, приобретательство) от ее капиталистической формы, заключается в (2) нормировании хозяйственной деятельности. Сама по себе эта энергия встречается повсюду, на протяжении всей истории человечества, и отнюдь не только в Европе, но только в европейскую эпо-

ху Нового времени на ее основе оформляется специфически капиталистический способ ведения хозяйства.

С указанным тесно связана еще одна особенность нового типа ведения хозяйства, принципиально отличающая его от всех прочих типов капитализма. Речь идет об экономической деятельности, ориентированной отныне на (3) товарный рынок, а не на политическую борьбу или иррациональную спекуляцию. Таким образом, здесь имеет место выделение экономической сферы в самостоятельную область интересов и приложения усилий, ее относительная автономия от политической жизни. Это, в свою очередь, влечет за собой обособление новых экономических форм с еще одной стороны: происходит их отделение от сугубо традиционного способа ведения хозяйства. Другими словами, речь идет об (4) отделении предприятия от домашнего хозяйства - четвертом конститутивном элементе индустриального капитализма. Как следствие, происходит (4.1) юридически оформленное разделение капитала предприятия и личного имущества предпринимателя.

Рассмотренные выше конститутивы капиталистического хозяйства одновременно являются и условиями для полноценной реализации новой экономической рациональности. Однако эти формальные условия следует отличать от конкретной рациональной процедуры принятия решений. Если рассматривать исследования Вебера под этим углом зрения, то в них можно обнаружить описание пяти составных элементов этой процедуры (ученый называет ее “рационализацией производства”)¹².

Изучая все обстоятельства деятельности первых предпринимателей, немецкий социолог обнаруживает те ключевые пункты экономической деятельности, в которых происходят важнейшие для всего последующего развития капитализма сдвиги. Первым таким шагом для молодого скупщика, например, мог стать переезд из города в деревню, где он теперь открывает собственное предприятие по производству и сбыту ткацкой продукции. Первый признак нарождающейся экономической рациональности нового типа заключается здесь в том, что предприниматель начинает тщательный подбор работников (ткачей), а главное - значительно усиливает степень их зависимости и (а) контроль над их деятельностью. В социальном аспекте этому процессу соответствует переход некоторой части крестьян в класс рабочих. Одновременно предприниматель пытается сосредоточить весь сбыт продукции только в своих руках. Для этого он особенное внимание уделяет установлению тесной

связи с низовыми контрагентами (в данном случае - с магазинами розничной торговли). При этом мы можем наблюдать реализацию второго элемента экономической рациональности, а именно - (б) действия по координации производства и сбыта. Далее, в дело вступает еще один фактор - (в) инициатива, или то, что сегодня мы назвали бы активным маркетингом: предприниматель начинает активно и самостоятельно вербовать покупателей. Для этого он ежегодно и регулярно посещает их и направляет часть своих усилий на то, чтобы качество продукции отвечало их потребностям и желаниям, было бы им "по вкусу". Другими словами, уже здесь - пусть пока только в зачатке и на самом элементарном уровне - имеет место (г) анализ спроса и общей ситуации на рынке. Наконец, параллельно с этим он снижает цены, фактически проводя в жизнь (д) капиталистический принцип "низкие цены, высокий оборот".

Итак, контроль, координация, инициатива, анализ и гибкая ценовая политика образуют базовый набор признаков зарождающейся экономической деятельности нового типа. Как замечает Вебер, следствием подобного процесса "рационализации", запущенного в наиболее развитых странах Европы примерно в одно время и в достаточном объеме, становится постепенное установление новой, доселе неизвестной экономической закономерности - основного принципа конкуренции: кто не поднимается, тот опускается¹³.

Приведенные классиком описания интересны нам прежде всего тем, что позволяют посмотреть действие экономического принципа и работу соответствующих структур экономической рациональности на конкретных примерах, в самом сосредоточии живой экономической прак-

тики. Кроме того, часто бывает весьма полезно рассмотреть какое-либо позднейшее явление на примере его самых ранних и примитивных форм, когда некоторые его характеристики и свойства представлены в самом зачаточном, элементарном виде, но именно поэтому наиболее наглядны и ощутимы. Не следует забывать, что современная предпринимательская практика во всем ее многообразии - это только позднейший результат неких первичных и элементарных явлений эпохи зарождения капитализма.

¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избр. произведения. М., 1990. С. 61-272.

² Там же. С. 95-96.

³ Сорочайкин А.Н. НОМО ECONOMICUS: антропологические предпосылки и эпистемологические допущения экономических теорий: монография. Самара, 2009. С. 199.

⁴ Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М., 1994. С. 234-241; 270-279; 390-401.

⁵ Вебер М. Указ. соч. С. 94.

⁶ Там же. С. 87.

⁷ Там же. С. 77.

⁸ См. подробнее: Сорочайкин А.Н. НОМО ECONOMICUS...; Гайденок П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность. Социология М. Вебера и веберовский ренессанс. М., 1991; Сорочайкин А.Н. Философия экономики: в поисках новых подходов. М., 2005; Сименкова Т.Г. Место истории в экономической науке и роль истории в экономическом образовании // Вопр. экономики и права. 2012. □ 2 (44). С.35-38.

⁹ Сорочайкин А.Н. НОМО ECONOMICUS... С. 203.

¹⁰ Там же. С. 204.

¹¹ Там же.

¹² Вебер М. Указ. соч. С. 80-85; 87-88.

¹³ Там же. С. 87.

Поступила в редакцию 02.08.2012 г.